

Мы указали на литературные памятники этого времени; но были и другие памятники, к сожалению часто погибающие, но которые носят на себе более резкие впечатления современности,— это народные песни, памятники народного слова. Немногие дошедшие до нас остатки такого рода свидетельствуют о той сильной национальной реакции, о которой мы уже упоминали и в которой отразилась сильная ненависть к карловинговскому владычеству и соединенному с ним порядку вещей. Из этих песен мы приведем одну, сложенную в юго-западном углу Франции, песню народа малочисленного, который высказал с особенной энергией народное свое чувство. Эта песня басков по поводу поражения арьергарда Карла Великого. Она найдена в конце прошлого столетия Latour d'Auvergne¹³, глупоким знатоком кельтических и вообще французских древностей во время испанского похода (эскальдунаками называют себя баски); прочтем ее. «Раздался крик среди гор эскальдунаков, и баск, стоя перед своими воротами, приклонил слух свой и сказал: кто идет это, что это значит? Собака, спавшая у ног своего господина, поднялась и огласила лаем окрестности Альтабисары. В ущелье Ибанеты отозвался шум, он приближается, перекатываясь направо и налево по скалам. Это глухой шум от приближающейся армии. Наши ответили на него с вершины гор, они затрубили в рога; баск острит свои стрелы. Они подходят, они подходят! Какой лес копьев! Какие разноцветные знамена веют в середине! Какой блеск переливается по оружию! Сколько их, дитя, сочти их! 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, двадцать и тысячи еще других! Да их и не счесть! Соединим наши жилистые руки, оторвем эти скалы, скатим их с вершины гор на их головы. Дави их, стреляй их! Да и что им делать в паших горах, этим людям Севера? Зачем они пришли возмутить мир наш? Бог сотворил горы для того, чтобы люди пере[правлялись] через них. Но скалы, скатываясь, падают; они давят войско, струится кровь, трепещутся тела. О, сколько раздавлено костей! Какое море крови!... Король Карл скачет в сильном беспокойстве, его белая борода дрожит на груди. Но он является слишком поздно. Бегите, бегите! Все, у кого только остались сила и лошади! Беги, король Карломан, с твоими черными перьями и красной мантией... И теперь, эскальдунаки, оставим скалы; сойдем поспешно, пошлем стрелы в тыл бегущим. Они бегут, они бегут! Где же лес копьев? Где эти разноцветные знамена, веявшие посредине? Не блестят уже их оружия, испачканные кровью. Сколько их, дитя, сочти их... двадцать, девятнадцать (восемнадцать, семнадцать)... четыре, три, два, один, один! Нет уже ни одного, конечно.. Горец, ты можешь теперь возвратиться с твоей собакой, обнять твою жену и твоих малюток, вычистить стрелы, спрятать их с твоим рогом, а потом лечь и спать. Ночью орлы прилетят клевать раздавленные тела, вечно будут белеть все эти кости...»¹⁴ Так пели о франках не одни баски, но и все народы, на время соединенные под их владычеством. В этом явлении видим